

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44
У13

Karen White

THE HOUSE ON TRADD STREET
(TRADD STREET BOOK 1)

Copyright © Harley House Books, LLC, 2008
All rights reserved including the right of reproduction
in whole or in part in any form.

This edition published by arrangement with Berkley, an imprint of
Penguin Publishing Group, a division of Penguin Random House LLC

Перевод с английского *Александра Бушуева*
Художественное оформление *Сергея Власова*
В оформлении обложки использована фотография
© Julia Kholodkova / Shutterstock.com
Используется по лицензии от Shutterstock.com

Уайт, Карен.

У13 Особняк на Трэдд-стрит / Карен Уайт ; [перевод с ан-
глийского А. Бушуева]. — Москва : Эксмо, 2020. — 480 с.

ISBN 978-5-04-116307-5

Мелани поражена. Ее случайное знакомство с загадочным мисте-
ром Вандерхорстом вылилось в то, что она получила от него в наслед-
ство целый особняк. Условия — прожить там год и отреставрировать,
чтобы стать полноправной хозяйкой.

Мелани не любит старинные дома. Она с детства обладает жутко-
ватым даром видеть призраков, коих немало в городе. А уж в виктори-
анских домах — и подавно.

Помощь ей предлагает заносчивый писатель Джек, который вы-
зывает у Мелани то злость, то желание его поцеловать. Отныне они
связаны общей тайной: шифром, который благодаря дару Мелани дол-
жен помочь им отыскать старинные бриллианты.

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-116307-5

© Бушуев А. перевод на русский язык, 2020
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2020

*Посвящается Терезе Уайт,
моей замечательной свекрови
и горячей стороннице*

Глава 1

Оловянные отражения алого гибискуса окрашивали заляпанные грязью окна старого дома, подобно счастливым воспоминаниям о юности, запертым внутри дряхлого старика. Осыпающиеся фронтоны над окнами придавали дому постоянно хмурое выражение, а вот отфильтрованные пологом листвы лучи солнца, падавшие на выщербленные колонны боковых веранд, раскрашивали дом надеждой. Казалось, он просто замер в ожидании чуда.

Я рассматривала дом, пытаясь своим риелторским разумом узреть прошлое этой убогой развалины. Передо мной был типичный чарльстонский особняк, повернутый перпендикулярно к улице, отчего его боковая сторона упиралась в тротуар. Входная дверь с богато украшенным карнизом и изящными декоративными кронштейнами открывалась на выходившую в сад веранду, где — я знала это — располагался главный вход в дом.

Я сморщила нос, готовясь уловить неизбежный запах пыли и тления, с которым непременно столкнусь, когда войду в дом. Несмотря на завидное местоположение к югу от Брод-стрит, клюнуть на такое предложение мог либо слепой, либо круглый дурак. Мой обширный опыт продаж недвижимости в исторической части города подсказывал последнее.

Мое внимание привлек ритмичный пульс веревки, трущейся о ствол дерева, отчетливо слышимый в душном утреннем воздухе Чарльстона. Я даже подошла к кованой железной ограде и заглянула в боковой сад. Не знаю, что заставило меня остановиться — любопытство или простое нежелание идти дальше. Я ненавидела старые дома. Что может показаться странным, ведь именно они были моим, так сказать, коньком в сфере торговли недвижимостью. С другой стороны, может, это не так уж и странно, если принять во внимание истоки моей неприязни.

В любом случае старые дома давали мне массу причин не любить их. Начнем с того, что они провоняли лимонным маслом и пчелиным воском, смешанным с нафталином. Им всегда сопутствовала шаркающая походка пожилого хозяина или хозяйки, слишком старых, чтобы ухаживать за домом, но слишком упрямых, чтобы окончательно махнуть на него рукой. Как будто владелец дома исчерпал надежду найти в будущем нечто такое, что будет таким же хорошим, как прошлое.

Печально, не правда ли? В конце концов, это всего лишь штукатурка и древесина.

Ничего не увидев, я толкнула упрямую калитку, поросшую ползучим жасмином. Ржавые петли неохотно сдвинулись с места. Я осторожно прошла по потрепавшейся дорожке через некогда идеально ухоженный, а теперь изрядно запущенный сад, стараясь не попадать шпильками в трещины и сторонясь высоких сорняков, чьи колючки могли бы без всякого повода разорвать мои чулки и шелковый костюм.

Мое внимание привлек силуэт в дальней части сада. Я осторожно шагнула в непролазную чащу сорняков, чтобы разглядеть, что там такое.

Заросшая, неухоженная клумба окружала фонтан, в центре которого, застыв в вечном выдувании несуществующей воды из каменных губ, восседал херувим.

В фонтан давно заползли шустрые сорняки высотой почти мне по пояс и пытались вцепиться в лоджки херувима. Из выщербленного цементного кольца, окружавшего фонтан, выскочил геккон и помчался по кругу. Прижимая к груди кожаную папку, я последовала за ним, обходя статую, сама не знаю зачем. По моему затылку ручьем стекал пот. Я подняла руку, чтобы вытереть его. Собственные пальцы показались мне ледяными — своего рода предупредительный знак. Я давно научилась распознавать его, еще будучи маленькой. Я приказала себе не обращать внимания на булавочные уколы, пробегавшие по моему позвоночнику и заставлявшие слышать то, чего я не хотела слышать, и видеть то, чего другие люди не могли видеть.

Я уже была готова уйти, но при виде ярко-алого пятна застыла на месте, впившись каблуками дорогих итальянских лодочек в густой перегной. Небольшой участок земли в форме подковы был очищен от сорняков, и там из присыпанной свежей сосновой корой земли росли четыре густых куста ярко-алых роз. Они напомнили мне нарядных молодых девушек, сидящих на задней скамье в полуразрушенной церкви; их аромат в этом заброшенном саду показался мне неуместным. Охваченная печалью, которой здесь был насыщен воздух, я отвернулась.

Давившая на меня духота почему-то имела ледяную сердцевину. Я запыхалась, как будто пробежала марафонскую дистанцию. Спотыкаясь, я проковыляла под тень дуба и, прислонившись к его стволу, подняла голову, пытаясь восстановить дыхание. Я стояла посреди

сада, которым, как мне казалось, был пропитан воздух и даже само время.

С древних ветвей дуба фестонами свисал испанский мох, а сами массивные ветви свидетельствовали о долгих годах жизни могучего дерева, чьи корни наверняка тянулись к дому. По заросшему саду все так же разлетался скрип качелей. Повернув голову, я вновь краем глаза поймала промелькнувшую тень.

На мгновение мне показалось, будто я вижу женщину в старомодном платье, толкавшую пустое сиденье примитивных качелей, свисавших с ветви дуба. Картинка была нерезкой, тусклой, смазанной по краям.

Я вновь затылком ощутила булавоочные уколы. Резко повернувшись, я зашагала через сад к веранде, не думая о судьбе своих колготок, лишь бы поскорей сделать дело и уйти.

Я пересекла мощенную мрамором веранду и с силой нажала дверной звонок, затем еще раз, мол, дайте, пошевеливайтесь. Казалось, прошла целая вечность, прежде чем из-за двери послышалось медленное шарканье ног. Сквозь матовое стекло дверного окошка, украшенного гравировкой в виде выющихся роз, я разглядела какое-то движение. Узор на стекле преломлял свет и цвет, дробя силуэт человека по ту сторону двери на тысячи фрагментов.

Я вздохнула, зная, что старику понадобится еще минут пять, чтобы отомкнуть все тугие засовы, и еще двадцать, прежде чем он позволит мне добраться до причин нашей встречи. Знала так же точно, как и то, что, если я повернусь лицом к тому месту, откуда доносится скрип качелей, я ничего там не увижу.

Дверь распахнулась. Увидев перед собой огромные карие глаза, увеличенные чем-то похожим на донышки бутылок кока-колы, втиснутые в проволочную оправу, я удивленно отступила назад. Представший

передо мной старик был высокого роста, который не скрадывали даже сутулые плечи под накрахмаленной белой рубашкой и темным пиджаком, из нагрудного кармана торчал аккуратный краешек носового платка.

Выхватив одну из своих визитных карточек, я протянул ее старику.

— Мистер Вандерхорст? Я — Мелани Миддлтон из «Бюро недвижимости Гендерсона». Мы с вами вчера разговаривали по телефону. — Мужчина не сделал ни малейшего движения, по-прежнему глядя на меня сквозь толстые линзы очков. — Мы назначили встречу на сегодня, чтобы поговорить о вашем доме.

Казалось, он меня не слышал.

— Я видел вас в саду.

Он продолжал смотреть на меня. Я поежилась и потеряла ладонями плечи, как будто снаружи была зима, а не жаркое лето.

— Надеюсь, вы не против? Я бы хотела осмотреть ваш дом и сад.

Чтобы проиллюстрировать свою мысль, я даже повернулась лицом к саду. И внезапно поняла, что в тот момент, когда дверь открылась, скрип качелей стих. По меркам исторического городского района, участок вокруг дома был большой. Мне невольно подумалось о потраченном впустую пространстве, которое занимал дом. Куда полезнее было бы устроить на его месте стоянку для близлежащих магазинов и ресторанов.

— Вы видели ее?

Его голос заставил меня вздрогнуть. Низкий и очень мягкий, как будто старик им почти не пользовался и не знал, сколько воздуха ему нужно для каждого слова.

— Видела? Кого?

— Женщину, которая толкает качели.

Настроив свои радары, я посмотрела в увеличенные стеклами очков глаза.

— Нет. Там никого не было. Вы ожидали кого-то?

Вместо ответа он отступил назад, отворяя дверь шире и учтивым жестом приглашая меня в дом.

— Вы не войдете? Посидим в гостиной, я принесу кофе.

— Спасибо, но в этом нет необходимости...

Но он уже отвернулся от меня и прошаркал в арку, отделявшую переднюю от лестницы. Стены покрывали желтые китайские обои, и я на миг пришла в восторг от этой элегантной красоты. Однако, подойдя ближе и увидев вспучивания и отставшие куски, мысленно подсчитала, во сколько обойдется восстановление обоев с ручной росписью.

Перешагнув порог, я вошла в комнату, которую указал мистер Вандерхорст. И оказалась посреди просторной гостиной с высоким расписным потолком, который обрамлял причудливый карниз. С потолка свисала массивная хрустальная люстра. Ее пыльные подвески облепила густая паутина. Замысловатый гипсовый медальон на потолке над люстрой завершил мое первоначальное впечатление от комнаты. Если честно, она напомнила мне свадебный торт, слишком долго простоявший в тепле.

Уловив застарелый запах воска, я вновь сморщила нос. В голову невольно пришло сравнение с моей новой квартирой в соседнем районе, с ее белыми стенами, ковровым покрытием от стены до стены и сплит-системой. Я никогда не пойму тех, кто готов выложить круглую сумму за эту изъеденную термитами кучу деревяшек, а потом окончательно разориться, угрожав остаток денег на поддержание этой рухляди в более-менее приличном виде. Я вздрогнула, благодарная судьбе за то, что, будучи дочкой военного, не привыкла

надолго пускать корни и не испытывала благоговейной дрожи в коленях при виде древней архитектуры.

Стараясь не касаться ничего, что могло бы оставить пыль на моих руках и одежде, я огляделась по сторонам. Большая часть того, что выглядело как антикварная мебель, была зачехлена, за исключением выцветшего кресла в стиле Людовика XV и такой же оттоманки, а также огромных напольных часов из красного дерева. На оттоманке лежала, свернувшись в клубок, черно-белая собачонка. Заметив меня, она подняла большие карие глаза, ужасно похожие на глаза хозяина.

Эта мысль вызвала у меня улыбку. Впрочем, улыбка быстро погасла, стоило мне увидеть огромную трещину, змеившуюся по гипсовой стене от карниза к потрескавшемуся плитусу в углу. Затем мой взгляд скользнул от большого, вызванного сыростью пятна на облезлом потолке к вспучившимся доскам пола под ним. Внезапно я почувствовала себя совершенно измотанной, как будто вобрала в себя немалый возраст и упадок комнаты.

В надежде, что дневной свет меня взбодрит, я шагнула к высокому, во всю стену, окну. Отодвинув в сторону выцветшую малиновую штору и едва не задохнувшись от пыли, я задумалась, мучимая вопросом: что, если небольшие офорты, которые я видела на стене, на самом деле лишь тонкие трещины в штукатурке? Я подалась вперед и прищурилась, мысленно отругав себя за то, что забыла дома очки.

От плитуса и до отметки на высоте четырех футов от пола протянулась выцветшая серая линия. С интервалами примерно в дюйм ее пересекали небольшие поперечные полоски, рядом с которыми изящным почерком были подписаны цифры. Присев на корточки, чтобы их разглядеть, я поняла: передо мной

ростомер. Рядом с указаниями возраста, который начинался с одного года, на вертикальной линии также расположились инициалы МЛМ. Я провела пальцем вдоль линии. Вскоре палец остановился на восьмом году жизни МЛМ.

— Это мои.

Голос раздался прямо позади меня. Я вздрогнула. Как же ему удалось так бесшумно приблизиться ко мне?

— Но инициалы... так вы не мистер Вандерхорст?

Его взгляд остановился на карандашных пометках на стене. Я же заметила, что старинный письменный стол отодвинули от стены, чтобы стали видны пометки. Теперь стол стоял почти посреди комнаты.

— МЛМ означает «мой любимый мальчик». Так меня называла мама.

Мягкий тон голоса напомнил мне мой собственный, голос маленькой девочки, которая притворялась, будто разговаривает по телефону с отсутствующей мамой. Я отвернулась. На непокрытом серванте стоял поднос с изящными чайными чашками и тарелкой шоколадных конфет с ореховой начинкой. Подойдя к нему, я заметила на серванте большую рамку, а в ней — сделанный сепией портрет мальчика, сидящего за пианино.

— Это я в возрасте четырех лет, — раздался рядом с моим ухом голос мистера Вандерхорста. — Моя мать увлекалась фотографией. Она обожала меня и любила фотографировать.

Шаркая ногами, он подошел ближе, снял чехол с изящного антикварного кресла и жестом предложил мне сесть.

Положив кожаную папку на пол возле ног, я села и подалась вперед, чтобы положить четыре кубика сахара и плеснуть сливок в кофе, отметив про себя

изображения роз на чашках. Если честно, я ожидала увидеть вездесущий бело-голубой кантонский фарфор, характерный для домов исторической части Чарльстона. Розы на этом сервизе были ярко-алыми с крупными слоистыми бутонами, почти идентичные тем, которые я видела в запущенном саду. Взяв конфету, я положила ее на украшенное розами блюдце, затем, осознавая, что мистер Вандерхорст наблюдает за мной, взяла вторую и отхлебнула кофе.

— Это «розы Луизы» — гибрид, выведенный моей мамой и названный в ее честь. Она выращивала их в саду. В свое время они были довольно известны, по крайней мере, журналы присылали к нам своих фотографов, чтобы их сфотографировать. — Его глаза пристально смотрели на меня из-за толстых очков, как будто ожидая мою реакцию. — Но теперь единственное место в мире, где вы можете их увидеть, это здесь, в моем саду.

Я кивнула, желая поскорее перейти к делу.

— Вы садовод, мисс Миддлтон?

— Хм, вообще-то нет. То есть я отличу розу от маргаритки, но, пожалуй, этим мои знания в области садоводства и ограничиваются, — ответила я с неуверенной улыбкой.

Мистер Вандерхорст сел напротив меня в такое же кресло и слегка дрожащими руками поднял чашку.

— Когда в этом доме жила моя мать, у нас был дивный сад. К сожалению, я не смог содержать его в прежнем виде. Мне хватает энергии лишь на то, чтобы ухаживать за маленьким розарием у фонтана. Это были любимые розы моей мамы.

Я кивнула, вспомнив странный крошечный сад и скрип качелей, затем сделала еще глоток кофе.

— Мистер Вандерхорст, как я уже сказала вчера по телефону, я риелтор, и моя компания заинтересова-